
В.А. Зайцев

Последние годы жизни

<...>

Среди написанного Твардовским в 1950-е годы можно встретить немало строк, предназначенных, как он был убежден в то время, «подтверждать и закреплять действительность», а потому нередко описательных и риторичных. С конца этого десятилетия в его творчестве особенно заметно прослеживается движение от стихотворного рассказа и портрета («От Иркутска до Братска», «Старожил» и др.) к лирико-философскому раздумью, поэтическому размышлению.

В поздних стихах поэта, в его проникновенно-личностных, углубленно-психологических переживаниях 1960-х годов раскрываются прежде всего сложные, драматические пути народной истории, звучит суровая память Великой Отечественной войны, отзываются болью нелегкие судьбы довоенной и послевоенной деревни, вызывают сердечный отклик события народной жизни, находят горестное, мудрое и просветленное решение «вечные темы» лирики.

Нередко поэт строит свои философские раздумья о жизни людей и смене поколений, об их связи и кровном родстве так, что они вырастают как естественное следствие изображения природных явлений («Посаженные дедом деревца...», 1965; «Газон с утра из-под машинки...», 1966; «Береза», 1966). В этих стихах судьба и душа человеческая непосредственно смыкаются с исторической жизнью родины и природы, памятью отчей земли: в них по-своему отражаются и преломляются проблемы и конфликты эпохи.

С новой, выстраданной силой и глубиной звучит в лирике поэта тема преемственности поколений, памяти и долга перед погибшими в борьбе с фашизмом, которая пронзительной нотой входит в стихотворения «Ночью все раны больнее болят...» (1965), «Я знаю, никакой моей вины...» (1966), «Лежат они, глухие и немые...» (1966).

Своей трагической недосказанностью эти стихи тем сильнее и глубже передают ощущение невольной личной вины и ответственности за оборванные войной человеческие жизни. Но эта неотпускающая боль «жестокой памяти» и вины относится не только к военным жертвам и утратам. Трагедийно звучит чувство сыновней скорби в цикле «Памяти матери» (1965), окрашенном болью всенародных страданий в годы репрессий.

В последнем из стихотворений этого цикла «— Ты откуда эту песню, // Мать, на старость запасла...», возникает столь характерный для творчества поэта мотив и образ «переправы», который в «Стране Муравии» представал как устремленное движение к берегу «новой жизни», в «Теркине» — как трагическая реальность кровавых боев с врагом; в стихах «Памяти матери» он вбирает в себя боль и скорбь о судьбе матери, горькое смирение с неизбежной конечностью человеческой жизни:

Отжитое — пережито,
А с кого какой же спрос?
Да уже неподалеку
И последний перевоз.
Перевозчик-водогребщик,
Старичок седой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону — домой...

В ряде стихотворений, написанных в 1969 году и опубликованных уже после смерти Твардовского («Когда обычный праздничный привет...», «Не заслоняй святую боль...», «Всему свой ряд, и лад, и срок...» и др.), особенно отчетливо проявилось элегическое начало. Так, своеобразным примером обновления традиционного жанра элегии может

послужить одно из последних стихотворений поэта — «Когда обычный праздничный привет...».

Это лирическое раздумье или, скорее, лирико-философское размышление, доверительный разговор с другом, а быть может, и с самим собой — о жизненных сроках, о сути и смысле человеческого существования. В нем по-своему проявилась внутренняя диалектичность развития поэтической мысли-переживания. Состоящее из четырех строф стихотворение делится на две части. Первые две строфы обнаруживают способность и готовность поэта взглянуть в лицо «правды вещей, ...как бы ни была горька»:

Когда обычный праздничный привет
Знакомый твой иль добрый друг заочный
Скрепляет пожеланьем долгих лет,
Отнюдь не веселит такая почта.

К тому же опыт всем одно твердит,
Что долгих лет, их не бывает просто,
И девятнадцать или девяносто —
Не все ль равно, когда их счет закрыт.

Обнажая и как бы «взламывая» изнутри привычный смысл стершихся от долгого употребления словосочетаний («праздничный привет», «пожеланье долгих лет»), поэт приходит к неутешительному и, казалось бы, неопровержимому выводу («...их счет закрыт»). Однако вторая часть стихотворения, последние две строфы развертываются как страстный, непримиримый спор с пессимистическим воззрением на жизнь человека. И отсюда — обилие взволнованных разговорных интонаций, синтаксических построений, повторов, которые мы находим в этих строфах:

Но, боже мой, и все-таки неправда,
Что жизнь с годами сходит вся на клин,
Что есть сегодня, да, условно, завтра,
Да безусловно вздох в конце один.

Нет, был бы он невыносимо страшен,
Удел земной, не будь всегда при нас
Ни детства дней, ни молодости нашей,
Ни жизни всей в ее последний час.

Трезво-реалистические и отнюдь не безмятежные раздумья о человеке и времени, пронизанные убежденностью и верой во всемогущество людской памяти, оборачиваются утверждением неумиряющей «жизни всей», которую человек носит и хранит в себе до последнего мгновения.

Пожалуй, особое место в поздней лирике поэта занимает стихотворение «В случае главной утопии...», ключевой образ-мотив которого, так же как и мотивы «жестокой памяти», «переправы-перевоза», выразительно свидетельствует о цельности и эволюции художественно-поэтического мира Твардовского.

В случае главной утопии, —
В Азии этой, в Европе ли, —
Нам-то она не гроза:
Пожили, водочки попили,
Будет уже за глаза...
Жаль, вроде песни той, — деточек,
Мальчиков наших и девочек,
Всей неоглядной красы...
Ранних весенних веточек
В капельках первой росы...

Это, несомненно, трагическое стихотворение-предостережение, пронизательное и в чем-то загадочное, вызвало различные толкования в литературе о Твардовском. Автор одной из работ, в частности, писал: «Задумавшись, например, о своей участи “в случае

главной утопии”, поэт с потрясающей силой ставит проблему войны и мира, выражает протест против угрозы атомного уничтожения».

Другие предлагали совершенно иную версию:

«Что такое «главная утопия», Твардовский знал хорошо. И не только потому, что писал стихи о Ленине и Сталине, тем самым — сознательно или бессознательно — поддерживая фундаментальные опоры советского утопического сознания. Он и сам был во власти этого утопического сознания...»

Как бы то ни было, Твардовский нашел точное и емкое слово-образ, которое смогло вместить столь противоположные, но каждый по-своему одинаково роковые, катастрофические для судеб человечества смыслы, как апокалиптический «конец света» в результате глобальной термоядерной войны, так и возможное лишь в фантазии осуществление коммунистического «рая» в планетарном масштабе — «В Азии этой, в Европе ли...». В поздних элегических стихах («На дне моей жизни...», «К обидам горьким собственной персоны...», «В чем хочешь человечество вини...» и др.) поэт не случайно задумывался не только об итогах и смысле собственной жизни, но и о грядущих судьбах всего человечества.

В лирике Твардовского 1960-х годов с особой полнотой и силой раскрылись существенные качества его реалистического стиля: демократизм, внутренняя емкость поэтического слова и образа, ритма и интонации, всех стиховых средств при внешней простоте и незамысловатости. Сам поэт видел достоинства этого стиля в первую очередь в том, что он дает «во всей властной внушительности достоверные картины живой жизни». Вместе с тем его поздним стихам свойственны психологическая углубленность и философская насыщенность.

<...>